

После полудня самолёт, вылетевший из Лиссабона, приземлился в аэропорту Понта-Делгада. Лишь выйдя из терминала под ясный и тихий свет, Цзян Шоюань, казалось, вновь обрёл чувство реальности. Он осознал, что находится на острове в восточной части Северной Атлантики вместе с мужчиной, которого знает меньше месяца.

Для Цзян Шоюаня образца его прошлых двадцати восьми лет подобное было чем-то совершенно невозможным. Он жил по правилам, курсируя по маршруту «дом — работа», и относился к собственной жизни со строгостью, граничащей с тревожностью. При этой мысли Цзян Шоюаня, стоявшего под ярким солнечным светом, охватило странное ощущение, будто всё это происходит в другой жизни. Чэн Цзайе обладал удивительной способностью: заставлял отбросить все опасения и тревоги, схватить чемодан и без оглядки следовать за ним.

Цзян Шоюань сидел на корточках в тени, наблюдая, как из-за угла выезжает белая машина и медленно останавливается перед ним. Чэн Цзайе открыл водительскую дверь и вышел. Общественный транспорт на Сан-Мигеле оставлял желать лучшего, поэтому Чэн Цзайе ещё до посадки в самолёт связался с прокатной компанией, чтобы обеспечить им комфортное передвижение. Он щёлкнул пальцами перед лицом Цзян Шоюаня и с улыбкой сказал:

— Очнись!

Цзян Шоюань поднял голову. Сквозь прозрачный свет он посмотрел в глаза Чэн Цзайе, фоном им служило бескрайнее лазурное небо. Он немного помолчал, прежде чем ответить:

— Погоди, ноги затекли.

— А я думал, ты ещё не проснулся, — усмехнулся Чэн Цзайе и, взяв его за руку, осторожно потянул вверх. — Как жаль — ты проспал половину полёта и упустил идеальный момент перед посадкой, чтобы посмотреть на архипелаг сверху.

Цзян Шоюань молча помог Чэн Цзайе уложить вещи в багажник. Возможно, сказывались годы привычки рано вставать: стоило расслабиться, как навалилась лень. Если он не спал до обеда, то чувствовал себя лунатиком.

— Зато я сделал фото, — сказал Чэн Цзайе, захлопнув багажник и обернувшись. — Покажу тебе по дороге.

Цзян Шоуянь открыл дверцу машины и, подумав, спросил:

— Разве мы не сможем увидеть это на обратном пути?

Неизвестно, какое именно слово в этой фразе порадовало Чэн Цзайе, но его улыбка стала шире:

— Я не загадывал настолько далеко. Ты спал так крепко, что мне стало жаль тебя будить. Но пропустить такой вид было действительно обидно, поэтому я снял его на телефон. Хотел показать, когда ты проснёшься.

Цзян Шоуянь ничего не ответил, лишь почувствовал, будто кто-то ласково сжал его сердце.

— Хотя это отличается от того, что видишь глазами, — Чэн Цзайе открыл первое фото в галерее и передал телефон Цзян Шоуяню, — всё равно получилось очень красиво.

Цзян Шоуянь опустил голову, принимая телефон, и начал один за другим листать снимки. Стекло иллюминатора немного бликовало, но всё же можно было разглядеть несколько утопающих в зелени островков посреди лазурного океана. Под тонкой пеленой облаков они напоминали затерянную волшебную страну.

— Азорский архипелаг состоит из девяти островов, словно девять жемчужин в оправе Атлантики. Сан-Мигел — самый большой и густонаселённый из них. — Чэн Цзайе вёл машину, они свернули с просёлочной дороги на горный серпантин. Вокруг бушевала зелень, а за холмами то появлялся, то исчезал океан.

Дорога была пустынной. Чэн Цзайе опустил стекло, в салон ворвался мягкий ветер. Далёкие

облака висели так низко, что, казалось, до них можно дотянуться рукой. Цзян Шоуянь не знал, сколько снимков сделал Чэн Цзайе, поэтому просто листал дальше, пока не дошёл до фотографий заката. Его палец внезапно замер.

Вчера, когда та девушка прислала ему фотографии, он переслал их Чэн Цзайе. Но на снимке с поцелуем Цзян Шоуянь заколебался. Не успел он понять причину своих сомнений, как в верхней части экрана высветилось уведомление о новом сообщении от Чэн Цзайе. Он машинально переключился на чат.

Чэн Цзайе: Снято очень красиво.

Цзян Шоуянь только набрал в строке «Мгм», как пришло ещё одно сообщение.

Чэн Цзайе: Могу я поставить это на обложку профиля в WeChat?

Рука Цзян Шоуяня дрогнула, и в чат само собой улетело это «Мгм». После долгой тишины он всё же решил открыть профиль Чэн Цзайе и посмотреть на фоновое изображение.

Каким было предыдущее? Цзян Шоуянь порылся в памяти и вспомнил: кажется, сине-белый навес кондитерской с надписью «Паштел-де-Белен». Из двух фотографий, что Цзян Шоуянь переслал Чэн Цзайе, на одной в центре был закат, а они — лишь две крошечные тени на мысе. На другой же закат служил фоном: в оранжевых отсветах они тихо смотрели друг на друга, и выражение их лиц, размытое светом, было, мягко говоря, далеко не невинным.

Именно её и выбрал Чэн Цзайе. Чтобы увидеть картинку целиком, нужно было потянуть экран вниз, а видимая часть как раз фокусировалась на их взглядах. Кто бы ни открыл этот профиль, сразу бы мгновенно и однозначно считал намёк. Тем не менее Чэн Цзайе просто взял и поставил её, даже не дожидаясь ответа Цзян Шоуяня.

Пальцы Цзян Шоуяня, словно обжёгшись, резко нажали кнопку блокировки. Он положил телефон на центральную консоль. Чэн Цзайе был сосредоточен на дороге и не заметил странного поведения спутника.

— Посмотрел? Неплохо я снял, правда?

Цзян Шоуянь едва заметно кивнул, но тут же понял, что с этого ракурса Чэн Цзайе вряд ли заметил его жест. Он уже собирался ответить, когда услышал голос Чэн Цзайе:

— Главное, что тебе нравится. На обратном пути снова возьмём места у окна. Иногда другой угол обзора или другая погода меняют пейзаж до неузнаваемости. — Чэн Цзайе добавил: — Мне нравится такой контраст. Мир — удивительная штука: каждый новый день приносит что-то свежее. Поэтому я еду путешествовать, когда мне весело, и делаю то же самое, когда мне грустно. У природы есть удивительная исцеляющая сила: стоит лишь оказаться внутри неё, как начинаешь чувствовать безмолвную энергию жизни.

Взгляд Цзян Шоуяня скользнул по извилистому горному серпантину впереди: вокруг буйствовала зелень, а дальние горы окутывала туманная дымка. Казалось, следуя за мыслью Чэн Цзайе, он тоже погрузился в это живописное наслаждение.

Машина остановилась перед деревянным домом в лесу. Взору открылся бескрайний зелёный ковёр, а вдалеке, огибая луга, извилистой лентой уходила к горизонту река. Чэн Цзайе вытащил из багажника чемоданы. Цзян Шоуянь подхватил один и, следуя за ним по мощёной дорожке, вошёл во внутренний дворик. Дом был двухэтажным. Спальни располагались наверху, Цзян Шоуянь выбрал ту, что была ближе к лестнице.

В комнате царил безупречная чистота, постельное бельё было чистым и благоухало свежестью. Прислонив чемодан в углу, Цзян Шоуянь обошёл комнату. Окна располагались друг напротив друга: одно выходило на деревянную галерею, другое — на озеро и луга вдалеке. Стоило Цзян Шоуяню распахнуть деревянные створки, как перед ним предстал целый лес, полный умиротворения. Разобрав вещи, они спустились вниз, чтобы осмотреться.

— Этот дом когда-то построил для себя друг моих родителей, — рассказывал Чэн Цзайе. — Потом он с семьёй эмигрировал в другую страну. Родители посчитали, что место слишком красивое, чтобы позволить ему прийти в запустение, и выкупили его. Правда, они вечно заняты и никогда здесь не жили. Только я несколько лет назад прилетал сюда и провёл тут какое-то время.

Цзян Шоуянь, следуя за Чэн Цзайе, вышел во двор и, прислонившись к деревянной двери, наблюдал, как тот наклонился проверить уличный кран. Прозрачная вода хлынула из медной трубы, разбрызгивая влажную свежесть по зелёной траве. Чэн Цзайе достал из нижнего шкафчика длинный резиновый шланг, подсоединил его и принялся смывать землю с дорожки.

— Судя по твоим словам, дому уже немало лет, но и снаружи, и внутри он выглядит очень ухоженным, — заметил Цзян Шоуянь.

— Да, мы нанимаем специалистов для регулярной уборки и ремонта.

Почувствовав, что голос Цзян Шоуяня удаляется, Чэн Цзайе, отвечая, повернул голову и увидел, что тот остановился в углу двора перед невысокой яблоней. Он закрыл кран и со шлангом в руке подошёл ближе. Цзян Шоуянь, запрокинув голову, рассматривал дерево с зелёными яблоками. Оно было совсем маленьким, но упрямо держало на ветвях несколько круглых, налитых плодов, вид которых вызывал нестерпимое желание их попробовать.

Цзян Шоуянь бросил взгляд на Чэн Цзайе и спросил:

— Их можно есть?

— Это дикая яблоня, не знаю, сладкие ли они, — ответил Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь сорвал самое большое яблоко, наспех ополоснул его водой из шланга, стряхнул капли и, не раздумывая, откусил. И тут же замолчал. Неудивительно, что зеленые яблоки на этом дереве так хорошо сохранились: они были настолько кислыми, что их не клевали даже птицы. Чэн Цзайе, не дождавшись ни звука и не видя лица Цзян Шоуяня, не удержался и спросил:

— Ну как, сладко?

Цзян Шоуянь вдруг почувствовал, что не хочет наслаждаться этим сюрпризом в одиночку. С каменным лицом он проглотил кусок, от которого сводило зубы, поднял голову и сказал:

— Очень сладко. Хочешь попробовать?

Он слегка повернул запястье, разворачивая яблоко надкушенной стороной к себе и подставляя Чэн Цзайе нетронутую мякоть. Чэн Цзайе едва заметно нахмурился, перехватил запястье Цзян Шоуяня, опустил его руку и откусил прямо рядом с тем местом, где кусал Цзян Шоуянь. Его лицо мгновенно сморщилось:

— Какая кислятина!

Шалость удалась. Цзян Шоуянь фыркнул от смеха, но не успели его глаза прищуриться в улыбке, как он заметил, что кадык Чэн Цзайе резко дёрнулся, а затем на него упала тень. Цзян Шоуяня схватили за затылок, и, запрокинув голову, он почувствовал на языке ещё не исчезнувшую терпкую кислоту с губ Чэн Цзайе. Яблоко с глухим стуком упало на землю и покатило по наклонной каменистой дорожке прямоком в траву за пределами двора. Тот кусочек кислого яблока, который он обманом заставил съесть Чэн Цзайе, вернулся к нему вот таким способом.

Через несколько вдохов кислота на губах рассеялась. Чэн Цзайе отпустил его, напоследок ещё несколько раз коротко поцеловав в покрасневшие губы. В ясном свете дня, отражённом в глазах Цзян Шоуяня, Чэн Цзайе отчётливо увидел своё отражение. Вокруг стояла тишина, на всём склоне горы были только они вдвоём. Подавляя сбившееся дыхание, Чэн Цзайе большим пальцем нежно убрал волосы за ухо Цзян Шоуяня и очень серьёзно произнёс:

— Цзян Шоуянь, я хочу быть с тобой.

Цзян Шоуянь ещё не отошёл от поцелуя — или, вернее сказать, с того самого вчерашнего поцелуя он пребывал в каком-то отрешённом состоянии. Он почувствовал, как рука с его затылка медленно скользнула на талию. Чэн Цзайе крепко обнял его, уткнулся лицом в изгиб шеи и повторил:

— Цзян Шоуянь, ты мне нравишься. Давай встречаться.

Слегка вьющиеся волосы щекотали щеку Цзян Шоуяня. Его рука беспомощно замерла в воздухе, не зная, куда опуститься. Тяжёлое дыхание раз за разом обжигало шею, и это щекочущее ощущение от пушистых волос проникало сквозь кожу прямо в сердце. Он поднял руку, зарылся пальцами в мягкие волосы на затылке Чэн Цзайе и сквозь шум их общего дыхания услышал собственное тихое: «Угу».

<http://bllate.org/book/14908/1503156>